

Чи Цзиньсянь сидел за письменным столом, выпрямив спину, с видом самого прилежного и примерного ученика на свете. Вот только в этой благочестивой, почти молитвенной позе он всего лишь подпира локтями подбородок и сжимал в руках мобильник.

Парень гипнотизировал экран чата с Лу Чжи. На верхней строчке так и не появлялась заветная надпись: «Печатает...». Последние два года стоило ему отправить очередное признание с предложением встретаться, как он замирал, не сводя глаз с телефона. Но чуда не происходило. Сегодняшний день ничем не отличался от прошлых: на том конце провода царила глухая тишина. Его задорное «Ну давай поближе познакомимся, порисуем!» с концами ушло на дно, не подняв даже слабой ряби.

Впрочем, Цзиньсянь точно знал, что Лу Чжи всё прочитал. Потому что...

[Кэш-Пул]: Брат, я тебя очень раздражаю? [шёпотом]

Спустя пять минут на экран пришло новое сообщение.

[Лу Чжи]:?

Видите? Прочитал ведь! Просто намеренно игнорирует.

Впрочем, Цзиньсяню многого не требовалось — достаточно уже того, что тот вообще изволил ответить.

Отложив мысль о романтических отношениях, Цзиньсянь мысленно вернулся к дневным событиям. С такими людьми, как Лу Вань, ещё мягко обошлись — пара колкостей за всё его хамство была лишь лёгким щелчком по носу. Настоящей причиной его тревоги стали смешки Цзян Цзиня и ледяное молчание Лу Чжи. Не потому, что Чи Цзиньсянь устыдился своего отпора Лу Ваню, нет. Просто слова этого парня глубоко запали в душу: а что, если он и впрямь до смерти надоел Лу Чжи?

Лу Вань ведь мог оказаться прав.

Набрав сообщение, Цзиньсянь принялся переписывать его, стирая слово за словом. Он уже собирался выдать очередной длинный опус с ужимками и просьбами дать шанс, как на экране мелькнула новая строчка.

[Лу Чжи]: Лу Вань?

Цзиньсянь тут же стёр всё, что успел накропать, и отправил лишь один покорный стикер с удручённым кроликом, распростёртым на полу.

[Кэш-Пул]: [лежит пластом и боится подать голос.jpg]

[Лу Чжи]: Ты с ним почти не будешь пересекаться.

Цзиньсянь не до конца понял, что именно имел в виду Лу Чжи, но расспрашивать не стал — брат Лу всё равно не станет вдаваться в подробности. Однако от этих слов на душе почему-то стало неожиданно светло и тепло.

За окном уже сгустилась непроглядная тьма. Комнатный свет не мог пробить ночной мрак, но отражался яркими искорками в глазах парня.

Для него признания в любви стали чем-то вроде смены дня и ночи: если не видишь солнца и луны пару дней — это ещё куда ни шло, но без них изо дня в день человек неизбежно начнёт чахнуть. Цзиньсянь искренне считал, что проявлять свои чувства — это естественный природный цикл. Если он перестанет напоминать о себе, то сам же почувствует, что всё идёт не так.

К тому же, кто сказал, что признаваться нужно лишь раз в день? Говорить об этом можно когда угодно и где угодно!

[Кэш-Пул]: Брат, ты мне так нравишься!

[Лу Чжи]: А ты мне нет.

В памяти мгновенно всплыл образ Лу Чжи, который каждый раз произносил эту фразу, прежде чем отвергнуть очередную охапку роз или любовное письмо. Цзиньсянь весело фыркнул и принялся быстро стучать пальцами по клавишам:

[Кэш-Пул]: Да знаю я! Просто захотелось сказать!

[Кэш-Пул]: Хе-хе [зайчик шевелит ушками.jpg]

— Ань-Ань! — донёсся снизу голос Юань Сыбая.

Цзиньсянь выгнул шею и звонко откликнулся в сторону двери, давая понять, что услышал.

— Спускайся перекусить на ночь, а то проголодаешься!

— Иду, младший папа! — крикнул Цзиньсянь, попрощался с Лу Чжи, отложил телефон и направился вниз.

Время приближалось к девяти вечера. На кухне Чи Суй вился вокруг Юань Сыбая, крутился то справа, то слева, словно от одного присутствия мужа мог наесться досыта.

—... Чи Суй, ты бы не мог отступить хоть на шаг? — Юань Сыбай нёс из кухни в столовую тарелку и, развернувшись, чуть не уткнулся мужу в грудь. В его голосе звучала откровенная беспомощность.

Чи Суй бросил взгляд на спускающегося по лестнице сына, неохотно отступил на полшага и с наигранной обидой вздохнул. Больше всего Цзиньсянь не любил, когда отец, потерпев неудачу в ухаживаниях за младшим папой, вымещал своё разочарование на нём. Вот и сейчас Чи Суй смерил сына весьма недружелюбным взглядом.

Цзиньсянь на мгновение задумался и со всей искренностью выдал:

— Пап, на самом деле ты можешь не стесняться моего присутствия. Мне уже почти восемнадцать, я всё понимаю, так что не обязательно держать дистанцию.

Юань Сыбай на мгновение обомлел:

— Восемнадцать?

Он сам выносил и родил этого ребёнка, как он мог не знать, сколько ему лет? Да и дело ли тут в возрасте? Даже если бы Цзиньсяню стукнул полтинник, Юань Сыбай всё равно не позволил бы Чи Сую проявлять чрезмерную нежность на глазах у сына.

Чи Суй, несмотря на заступничество, любезность сына не оценил и язвительно хмыкнул:

— Ой ли? И кто это у нас тут на днях отмечал семнадцатилетие? Неужто собачий сын нашего с тобой семейства?

Цзиньсянь замялся.

Юань Сыбай тут же ощутимо ужалил Чи Сую за бок:

— Это ты кого сейчас собакой обозвал?

Чи Суй поймал руку мужа, сжав её в своей ладони, и притворно спохватился:

— Ах да, точно! Вспомнил! Наш Ань-Ань ещё в первом классе старшей школы умудрился довести дело до вызова родителей на первой же линейке. А в пятнадцать твердил, что ему шестнадцать, в шестнадцать — что семнадцать... Всё спешил приписать себе лишний годок,

лишь бы быстрее дорасти до совершеннолетия, верно?

Цзиньсянь снова лишился дара речи. Что правда, то правда.

Чи Суй поправил выбившуюся прядь волос Юань Сыбая, косясь на сына:

— И вот наконец-то наступили долгожданные «восемнадцать». Рад?

—... — Цзиньсянь глубоко вздохнул, собираясь возразить. Свои грешки он отрицать не мог, но спускать всё на тормозах не намеревался: — И что с того? Я говорю про круглый возраст! По восточному календарю мне как раз на год больше!

— Ну-ну, — снисходительно кивнул Чи Суй, но в его глазах не было ни капли шуток. — Календарь календарём, а пока официально не станешь взрослым — за любую провинность буду драть как сидорову козу. И младший папа тебя не защитит.

Юань Сыбай абсолютно спокойно добавил:

— Не переживай, я даже вмешиваться не стану.

Цзиньсянь притих. Он, конечно, понимал, что нужно вести себя прилично и уважать границы, но слышать от младшего папы, что тот откажется от его защиты, было неожиданно. Парень мгновенно вжал голову в плечи и сделал максимально покорный вид.

— Я всё понял. — Он выдвинул стул, уселся за стол и с отличным аппетитом принялся за поздний ужин, не забывая нахваливать: — Младший папа, как же вкусно!

Юань Сыбай улыбнулся:

— Раз вкусно, забирай и порцию отца.

Не успел он договорить, как со стороны Чи Суя раздался бурный протест.

— Эй, это уже слишком! У меня в этом доме вообще никаких прав не осталось? — Чи Суй тут же сгреб свою пиалу, точно опасаясь, что сын и впрямь отберёт у него еду.

Юань Сыбай парировал:

— Ты всё равно дома гость редкий, даже обедаешь в компании. Какие тебе ещё права?

— Зато я завтракаю и ужинаю дома! Из трёх приёмов пищи дважды разделяю с тобой стол, а ты меня уже списать со счетов решил? — Чи Суй изобразил глубочайшее потрясение и даже пустил слезу: — Ань-Ань, похоже, твоему папе я больше не мил...

— Ты только что обещался меня выпороть, так что я за тебя впрягаться не стану, — отрезал Цзиньсянь.

Юань Сыбай тихо рассмеялся, а Чи Суй лишь скорбно вздохнул.

Впрочем, Цзиньсянь вдруг поймал себя на мысли, что с самого его дня рождения отец подозрительно долго засиживается дома. Если посчитать, то с момента, как тот принял управление семейным бизнесом, не прошло и года. С чего бы ему предаваться праздности?

Оторвавшись от тарелки и проглотив лапшу, Цзиньсянь любопытствовал:

— Пап, а ты что, в эти дни в компанию вообще не ездишь?

В их семье так повелось: кому-то обязательно выпадала роль общего громоотвода. К счастью, их было всего трое; окажись в семье ещё парочка сорванцов, Чи Суй точно сошёл бы с ума. Только что получив отпор от обоих домочадцев, глава семейства решил переключиться на еду. Услышав вопрос сына, он довольно улыбнулся и охотно пояснил:

— На последнем совете директоров акционеры и верхушка компании приняли судьбоносное решение. Пост председателя совета, который три ветви семьи Чи занимали по очереди — по одному году на брата, — теперь переходит каждые полгода. Так что ближайшие шесть месяцев у меня официальный отпуск!

В его голосе звучало столько нескрываемого торжества, а улыбка была такой широкой, что уголки губ чуть не доставали до ушей.

Цзиньсянь потерял дар речи.

Говоря о клане Чи... По правде сказать, даже он, будучи законным наследником, находил систему управления их семейным концерном совершенно безумной, что уж говорить о посторонних.

Со времён древности человечество шагнуло далеко вперёд. В нынешнем Межзвёздном Альянсе средняя продолжительность жизни достигла ста восьмидесяти лет, а пенсионный возраст, соответственно, отодвинулся до ста двадцати.

Дедушке Чи Юаньшэню исполнилось девяносто. Если не знать его точного возраста, по внешнему виду ни за что не дашь ему столько лет — морщины почти не тронули его лицо. Однако едва сыновья подросли, дедушка наотрез отказался управлять империей и начал

придумывать самые изощрённые способы уклонения от обязанностей — вплоть до детских капризов и симуляции.

Вот только детки уродились в отца. Старший сын заявил, что от бизнеса он смертельно устаёт. Второй с детства не имел ни слуха, ни голоса, на уроках музыки вводил учителей в транс, зато, вырастая, каким-то чудом превратился в звезду межгалактической эстрады. Третьим был Чи Суй — этот просто отмахивался, говоря, что от бумажек у него болит голова. Четвёртый, Ци Суйи, всё ещё учился, а судя по его никнейму в сети («Будущая Суперзвезда»), ноги его в офисе никогда не будет.

Одно время Цзиньсяню казалось, что дедушка рожал сыновей исключительно с целью свалить на них работу. Но отпрыски оказались ещё более ленивыми и беспринципными. На заре туманной юности Чи Юаньшэнь всерьёз опасался, что братья сцепятся в грызне за наследство... Пока с ужасом не осознал, что эти оболтусы готовы приплатить, лишь бы не лезть в управление!

Сыновей было четверо (хотя потенциальных управленцев — двое), а отец — один. Старик проиграл эту битву: компания осталась на нём. Помучившись бессонницей пару месяцев, Чи Юаньшэнь придумал компромиссную схему, дабы никто не отвертелся: каждый брат рулит компанией строго по одному году, передавая эстафету следующему. Правда оказалась в том, что даже отдыхающий брат всё равно вынужден был отслеживать дела фирмы.

И вот теперь эти хитрецы умудрились сократить дежурство с года до шести месяцев! Цзиньсянь искренне поражался: как с такими правителями семейный бизнес не только не вылетел в трубу, но и разросся до невероятных масштабов? Видимо, дело было в их феноменальном, почти дьявольском таланте.

— Совет директоров решил? — с иронией переспросил Цзиньсянь. — Ты хочешь сказать, ты, дедушка и старший дядя сели и сообразили на троих?

Чи Суй доел лапшу и прищурился от удовольствия:

— Именно так. Как только уйдёшь на зимние каникулы, мы с твоим младшим папой рванём в путешествие.

—... — Цзиньсянь слегка растерялся и с искренним недоумением спросил: — А сейчас вам что мешает?

— Ты учишься, я за тебя переживаю, — ответил Юань Сыбай, собирая пустую посуду и вручая её Чи Сую, чтобы тот отнёс на кухню.

Чи Суй подхватил тарелки и поднялся:

— К тому же сейчас ты целыми днями пропадаешь в школе и не мешаешь нам наслаждаться обществом друг друга. Так что пока уезжать смысла нет.

Юань Сыбай с укором глянул на него:

— Папа Ань-Аня, не мели чуши при ребёнке.

Цзиньсянь промолчал, но про себя подумал: «То есть, пока я в школе, вы и так прекрасно проводите время вдвоём, а едва наступают каникулы и я оказываюсь дома — сразу даёте дёру?»

Ни разу в жизни не вступавший в романтические отношения Цзиньсянь чувствовал, как внутри закипает тихая зависть. Глядя на то, как родители из года в год сохраняют нежность, он невольно представлял, каково это — быть вместе с Лу Чжи. Будет ли тот по-прежнему столь молчалив и бесстрастен?

Скажет ли он хоть раз, что любит его? Захочет ли поцеловать? Прижмётся ли губами к его железе? Пожелает ли оставить метку?

Цзиньсянь понятия не имел, каково это — получить пожизненную метку, и, скорее всего, никогда в жизни этого не узнает. Бета не способна принять метку, так же как не может выделять или чувствовать феромоны. Но парень прочитал не одну сотню романов и пересмотрел кучу роликов — разумеется, из-за Лу Чжи его интересовали исключительно истории про альф и бет. В этих книгах описывалось, как под влиянием инстинктивного чувства собственности альфа раз за разом впивается зубами в железу своего партнёра-беты. А понимая, что не может оставить полноценную метку, приходит в неистовство и стремится завладеть им снова и снова...

— ... Ань-Ань.

Чей-то голос пробился сквозь пелену сна, будто кто-то осторожно толкнул дверь комнаты. Цзиньсянь судорожно сжал ногами одеяло, сжал губы и вцепился пальцами в край пододеяльника, прижимая его ко рту, точно пытался заглушить вырывающийся стон.

Его брови были слегка сдвинуты, но это не походило на кошмар. Напротив...

В его сновидении Лу Чжи крепко удерживал его запястья, прижимая к кровати сзади. Он не давал ему сдвинуться с места и с тёмной, заставляющей трепетать страстью требовал, чтобы Цзиньсянь молил о пощаде. Из-за невозможности оставить метку Лу Чжи выглядел диким, почти безумным, совершенно потерявшим контроль над собой.

— Ань-Ань!

— Бух! — Цзиньсянь резко дёрнулся и едва не скатился с кровати на пол.

Юань Сыбай испуганно ахнул и успел подхватить сына, заставив его откатиться обратно на середину кровати, где парень окончательно запутался в одеяле, точно в крепких объятиях из недавнего сна.

—... Младший папа? — Цзиньсянь ещё не до конца очнулся. Голос его звучал сипло, а взгляд оставался туманным.

Юань Сыбай с тревогой прикоснулся тыльной стороной ладони к его лбу:

— Почему ты такой красный? И слёзы на глазах... Ты не заболел?

От этих слов реальная причина его состояния вспыхнула в голове Цзиньсяня ослепительной вспышкой. Лицо мгновенно запылало так, словно его обдало кипятком. Он судорожно отвёл взгляд, замахал руками и смущённо отпихнул руку отца:

— Нет-нет, я здоров! Младший папа, ты чего поднялся?

— Смотрю, ты не встаёшь в привычное время. Подождал минут десять, а ты всё не спускаешься, вот и решил проверить, — Юань Сыбай всматривался в лицо сына с нескрываемым беспокойством. — Точно ничего не болит?

—... Точно, — Цзиньсянь прокашлялся, пытаясь вернуть голосу твёрдость, и спустил ноги с кровати, избегая встречать взгляд папы. — Наверное, поздно лёг вчера, делал уроки после ужина, вот и не почувствовал вибрацию интеллектуального браслета... Ты иди завтракать, я сейчас переоденусь и спущусь.

— А, хорошо, — тревога в голосе Юань Сыбая неожиданно сменилась мягкой, лукавой усмешкой.

Цзиньсянь удивлённо обернулся, не понимая причины этой перемены, и тут же услышал смеющийся голос младшего папы:

— Ань-Ань, у тебя пижамные штаны испачкались.